

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4618.

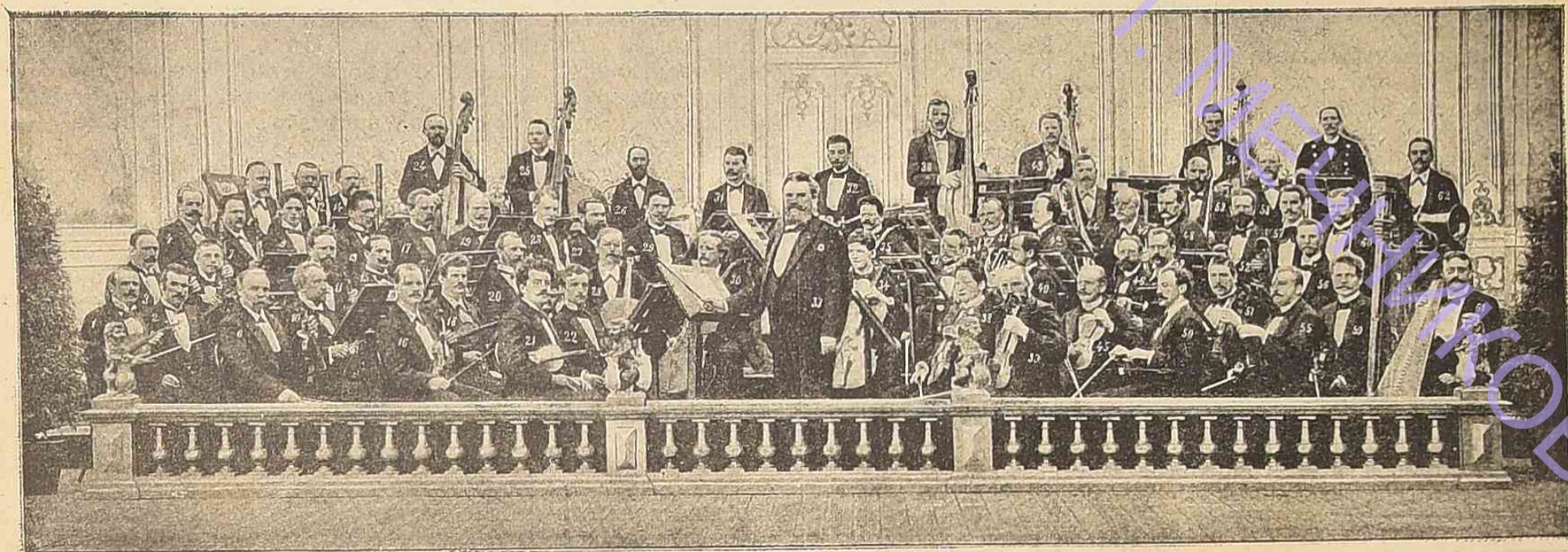
Воскресенье, 9-го мая 1899 г.

№ 4618

Отрядъ графини Е. В. Капнистъ, отправившійся для оказанія помощи въ мѣста, пострадавшія отъ неурожая.

Со снимка г. Наака

Берлинскій филармоническій оркестръ, выступающій въ Одессѣ подъ управленіемъ Л. Хикиша.

Флиртъ.

Клятвопреступление.

Новая новелла Армана Сильвестра.

(Окончаніе *).

Она узнала только Клода, которого она видѣла чаще; иногда онъ дарилъ ей конфеты.

Я продолжалъ настаивать на томъ, что мы возвратились на слѣдующій только день.

Я чувствовалъ, что судья сомнѣвается, колеблется. Онъ долго сидѣлъ, глубоко задумавшись. Наконецъ онъ освободилъ меня, а Клоду предложилъ остаться...

Я крѣпко пожалъ руку друга, стараясь вложить въ это пожатіе и мольбу и приказаніе быть твердымъ.

Сомнѣній не было, — оставленіе Клода было многозначительно.

Несмотря на колебаніе дѣвочки относительно дня, поиски слѣдствія въ другихъ направленіяхъ не дали никакихъ результатовъ, и поэтому невольно вниманіе слѣдствія фиксировалось на личности Клода.

См. № 4616 „Од. Нов.“.

и неуклонно стоялъ на своемъ.

Отъ меня потребовали торжественной клятвы...

Клодъ былъ оправданъ.

Тогда только начались угрызения совѣсти.

Конечно, я проникся жалостью къ моему бѣдному и несчастному другу, но... amicus Plato sed magis amicus — veritas.

Нужно большее оправданіе для клятвопреступленія, чѣмъ моя дружба. Нужно было нѣчто болѣе возвышенное для того, чтобы освободить меня отъ терзаній.

Въ этомъ былъ вопросъ во всей его наготѣ.

Отъ меня однако зависѣло, осужденіе или оправданіе Клода: жизнь его была въ моихъ рукахъ.

Одинъ я зналъ мотивы и истинныя обстоятельства преступленія. Одинъ я, слѣдовательно, могъ быть настоящимъ его судьей.

И эта мысль вырвала меня изъ рукъ страданія и страха и дала мнѣ мужество.

Одинъ я зналъ, что перенесъ этотъ человекъ раньше и каково было его страданіе въ тотъ моментъ, когда онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ измѣной. Одинъ я зналъ, что убійство, совершенное имъ, заслуживало прощенья.

Конечно, я могъ сообщить судебнымъ властямъ все то, что я зналъ.

Я сдѣлалъ бы это, если-бы надѣялся на то, что они пожалѣютъ и смогутъ понять... Они требуютъ отъ меня отвѣта „да“ или „нѣтъ“, безотносительно къ послѣдствіямъ отвѣта...

Гильотина или каторга — я зналъ очень хорошо эти послѣдствія.

Общественная солидарность, преклоненіе предъ ней безусловно обязательно, но въ развѣ въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти нѣтъ и другого священнаго принципа — соразмѣрять каждый малѣйшій нашъ шагъ и поступокъ съ его послѣдствіями?

Этотъ принципъ долженъ господствовать въ жизни каждого человека, отдающаго себѣ отчетъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ.

Убили-ли Клода Лию? Да! Были-ли онъ виноватъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Все говорило мнѣ, что убійство было невольнымъ грѣхомъ, что его нужно и должно простить...

Одно мое слово могло его спасти, — всякое колебаніе было-бы гнусной сантиментальностью.

Я солгалъ въ первый разъ въ моей жизни, солгалъ вопреки складу своихъ мыслей и натуры, но я солгалъ не изъ жалости, а сознательно: я спасъ моего друга, невиннаго по убѣжденію моей совѣсти...

Плѣсень міра.

Болеслава Пруса.

Случилось мнѣ однажды быть въ Новой Александріи съ однимъ ботаникомъ. Мы сидѣли на скамейкѣ подъ огромнымъ камнемъ, поросшимъ мхами или плѣсенью, которую уже нѣсколько лѣтъ изучалъ мой ученый товарищъ.

Я спросилъ у него, что онъ находитъ интереснаго въ разсматриваніи неправильныхъ пятенъ — сѣрыхъ, желтыхъ, зеленыхъ или красныхъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня недоумчиво, но убѣдившись, что видитъ передъ собою профана, началъ объяснять.

— Эти пятна вовсе не мертвая грязь, а собраніе живыхъ существъ. Невидимыя для невооруженнаго глаза, они рождаются, производятъ движенія, которыхъ мы не можемъ разсмотрѣть, заключаютъ брачныя союзы, производятъ потомство и наконецъ погибаютъ.

Что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что они образуютъ общества, которые вы здѣсь видите въ образѣ разноцвѣтныхъ пятенъ; они воздѣлываютъ подъ собою почву для слѣдующихъ поколѣній, разрастаются, колонизируютъ свободныя пространства, даже ведутъ между собою войны.

Это сѣроватое пятно, величійю во ладонь, два года тому назадъ было не больше пятка. Того маленькаго сизаго пятнышка вовсе не было годъ назадъ, и оно ведетъ свое начало отъ большаго пятна, занимающаго вершину камня. Тѣ два — желтое и красное — ведутъ между собою войну.

Прежде желтое было очень обширно, но мало-по-малу сосѣдъ вытѣснилъ его и занялъ его мѣсто. А посмотрите на зеленое; видите, какія нашествія дѣлаетъ на него сизый сосѣдъ, сколько на зеленомъ фонѣ видно сѣрыхъ полосокъ, точекъ и пучковъ!

Это нѣчто въ родѣ того, что мы замѣчаемъ и у людей, — сказалъ я.

— Ну, нѣтъ, — возразилъ ботаникъ. Этими обществами недостаетъ языка, искусства, науки, сознанія, чувства, словомъ имъ не достаетъ души и сердца, которыми обладаемъ мы, люди. Здѣсь все совершается наугадъ, механически, безъ симпатій и безъ антипатій.

Нѣсколько лѣтъ спустя случилось мнѣ какъ-то сидѣть около того самаго камня ночью и при свѣтѣ мѣсяца разсматривать перемѣны, происшедшія въ формахъ и размѣрахъ разныхъ пятенъ.

Вдругъ кто-то толкнулъ меня. Это былъ мой ботаникъ. Я попросилъ его присѣсть, но онъ продолжалъ стоять передо мною, заслоня отъ меня свѣтъ мѣсяца, и шепталь что-то беззвучнымъ голосомъ.

Вдругъ скамейка и камень исчезли. Я почувствовалъ вокругъ себя неизмѣримую пустоту, озаренную загадочнымъ слабымъ свѣтомъ. Повернувши голову въ сторону, я увидѣлъ нѣчто въ родѣ

школьнаго глобуса, блистающаго слабымъ сіяніемъ и по величинѣ равняющагося тому камню, около котораго мы только что сидѣли.

Глобусъ медленно поворачивался и на немъ показывались все новыя пространства. Вотъ материкъ Азіи съ маленькимъ полуостровомъ Европою; вотъ Африка, обѣ Америки...

Присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ на засаленныхъ пространствахъ такія точно пятна — сѣрыхъ, сизыхъ, зеленыхъ, желтыхъ и красныхъ, какія были на камнѣ. Они состояли изъ множества появляющихся и исчезающихъ точекъ, которыя на первый взглядъ казались неподвижными, но въ сущности медленно двигались. Каждая отдѣльная точка въ теченіе часа проходила самую незначительную часть градуса, и то не по прямой линіи, а какъ-бы колеблясь и постоянно отклоняясь въ стороны отъ прямого пути.

Точки эти соединялись, дѣлились, исчезали, выступали на поверхность глобуса, но все эти явленія не могли заслуживать особеннаго вниманія. Характеръ чего-то важнаго и солиднаго имѣло только движеніе цѣлыхъ пятенъ, которыя росли и уменьшались, показывались на новыхъ мѣстахъ, переплетались между собою или вытѣсняли одно другое съ занятаго мѣста.

Глобусъ между тѣмъ все вращался и, какъ мнѣ казалось, сдѣлалъ уже сотни тысячъ оборотовъ.

— Можетъ быть, здѣсь передъ нами исторія человечества? — спросилъ я стоявшаго около меня ботаника.

Онъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Хорошо, но гдѣ-же тутъ искусство, наука?..

Онъ грустно улыбулся.

— Гдѣ знаніе, любовь, ненависть, стремленія?..

— Ха! ха! ха! — глухо смѣялся онъ.

— Словомъ, гдѣ здѣсь души и сердца людей?..

— Ха! ха! ха!..

Такое поведеніе возмутило меня.

— Кто ты?.. — спросилъ я.

Въ эту минуту я снова очутился въ саду около камня, безформенныя пятна котораго купались въ лучахъ мѣсяца...

Мой товарищъ исчезъ, но его мрачная иронія открыла уже мнѣ его имя.

Самопожертвованіе.

Т. Бранна.

Она стояла передъ судьей, робкая, смиренная, покрытая ломотьями. На заданный ей вопросъ: «Ты убила его?» она отвѣчала прерывистымъ голосомъ, судорожно и торопливо:

— Да... да... я, я убила. Почему я знаю! Люди говорятъ. О, да, я убила его... Кому же больше?.. Конечно, я.

У нея была миниатюрная, стройная фигурка и мрачное, некрасивое лицо. Пребываніе въ тюрьмѣ, гдѣ она пролежала мѣсяць послѣ внезапной смерти ея мужа, наложило на нее рѣзкую печать, сказавшуюся въ ея впалыхъ глазахъ, въ искаженномъ скорбью лицѣ, въ растрепанныхъ волосахъ и пурваншій, точно ее трепала злая собака, одеждѣ.

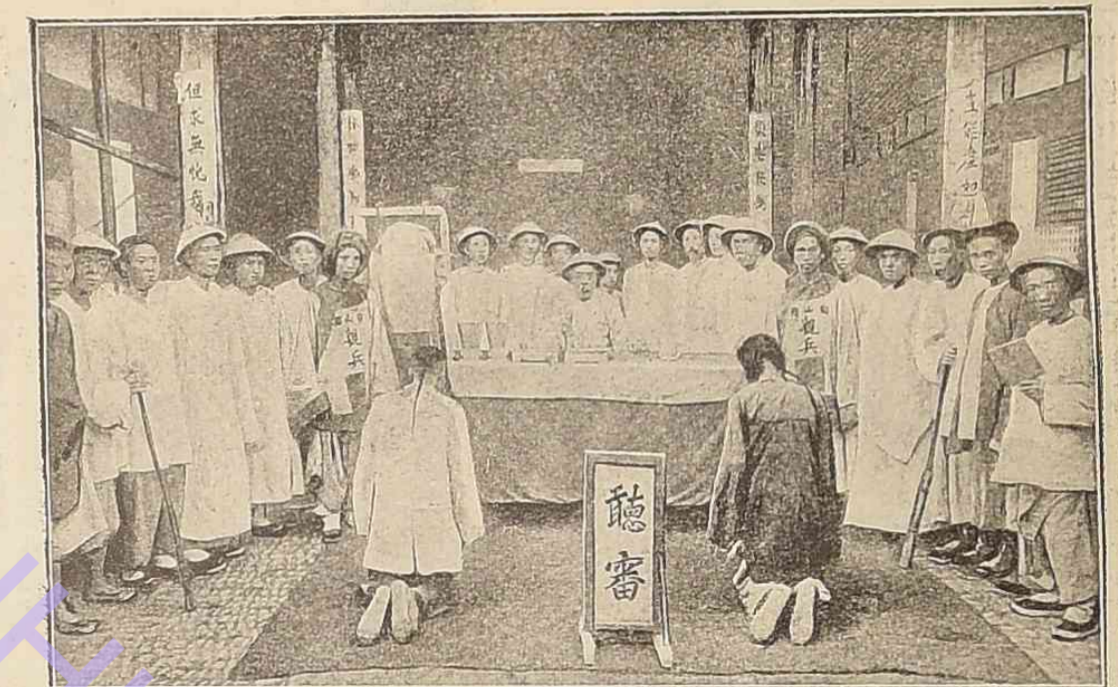
Появились свидѣтели: Вароломей Штглицъ и Матвѣй Борнсъ.

Оба были сосѣдами обвиняемой и первые прѣбѣжали на крикъ, поднявшійся при извѣстіи, что Альбертъ, ея мужъ, мертвъ.

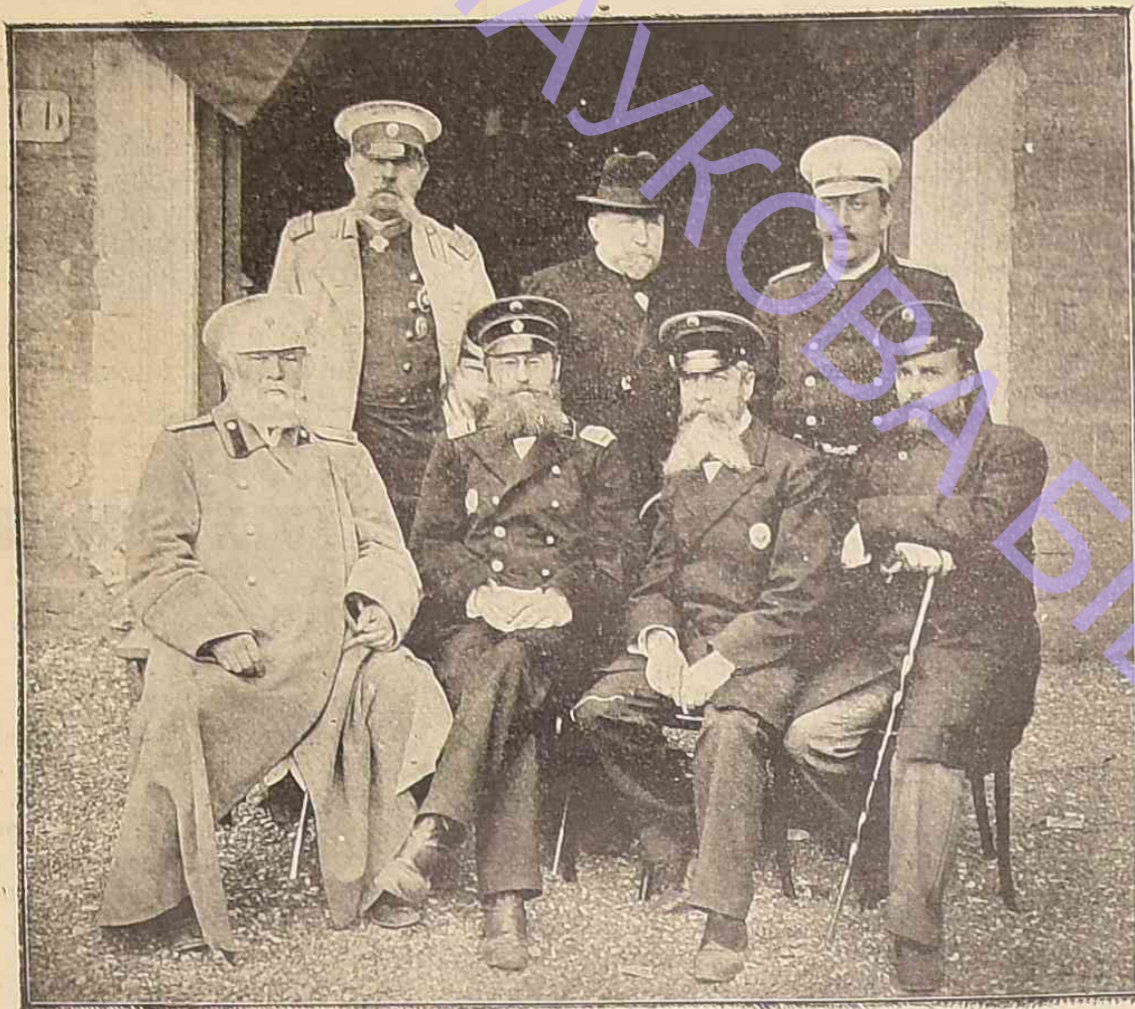
Они наши его лежавшимъ на дорѣ. Онъ былъ покрытъ соломою, на шеѣ было два черныхъ пятна и длинная сѣрая полоса, — признаки удушенія.

Но что значило, впрочемъ, мнѣніе Вароломея и Матвѣя Борнса?

Но что значило, впрочемъ, мнѣніе Вароломея и Матвѣя Борнса?

Китайскій судъ въ Кантонѣ.

Коммисія по устройству народныхъ развлеченій въ Одессѣ.
 Съ фотопр. I. M. Шнейдера.

Эдуардъ Симсонъ,
 известный политическій дѣятель Германіи.
 † 2 мая н. с.

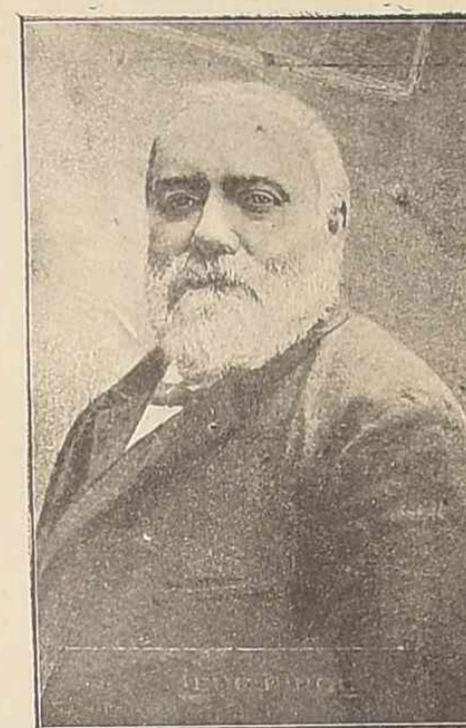
Отто Николлаи,
 композиторъ оперы «Видзюскія кумушки».
 (По поводу 50-тилтней годовщины смерти).

Артуръ Никисшъ, известный дирижеръ.

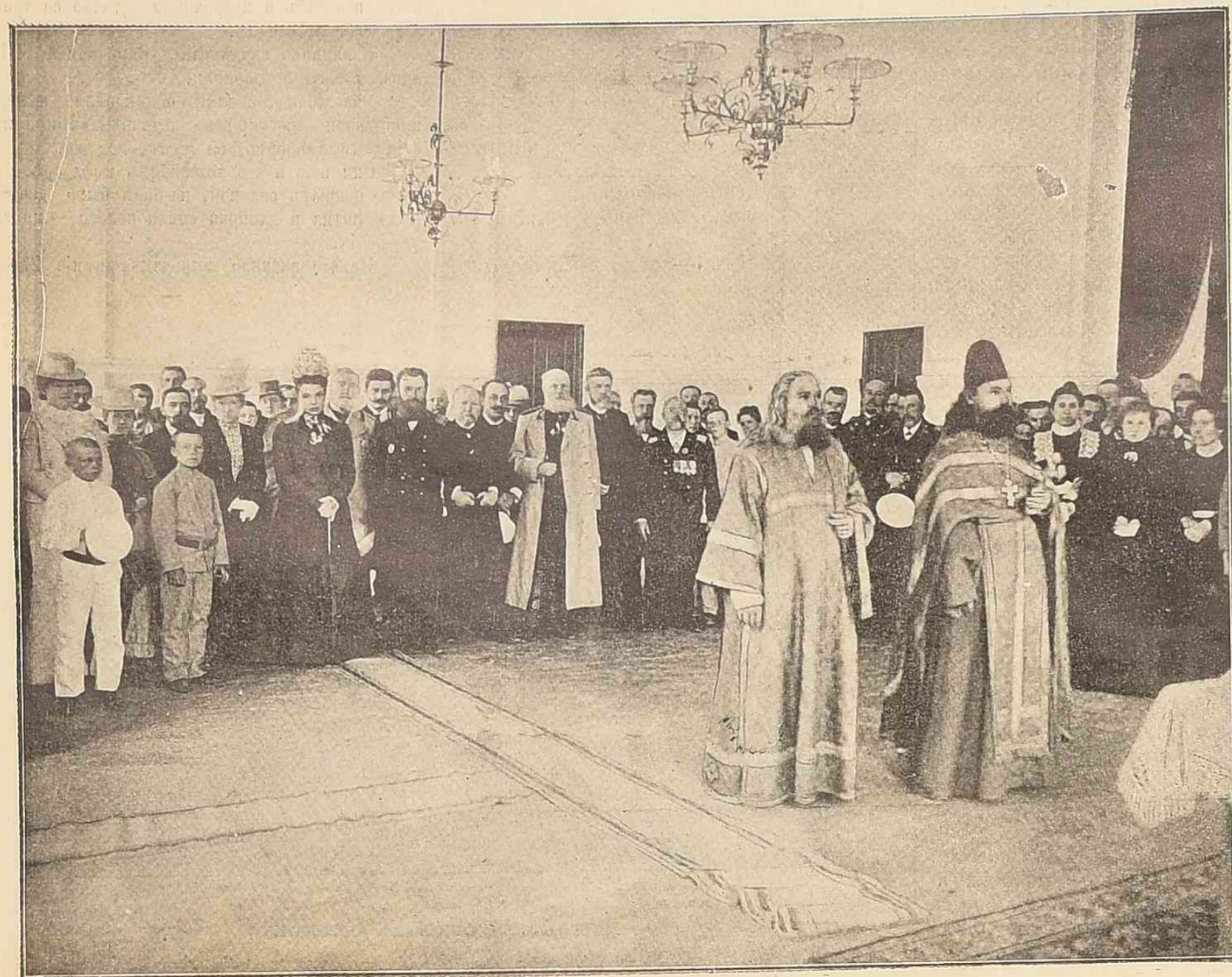
Бюстъ Н. П. Рощина-Инсарова, работы Я. Д. Бродскаго.
 Съ фот. Л. Тираспольскаго.

Францискъ Сарсеъ, знаменитый театральнй критикъ † 4 мая 1899 г.

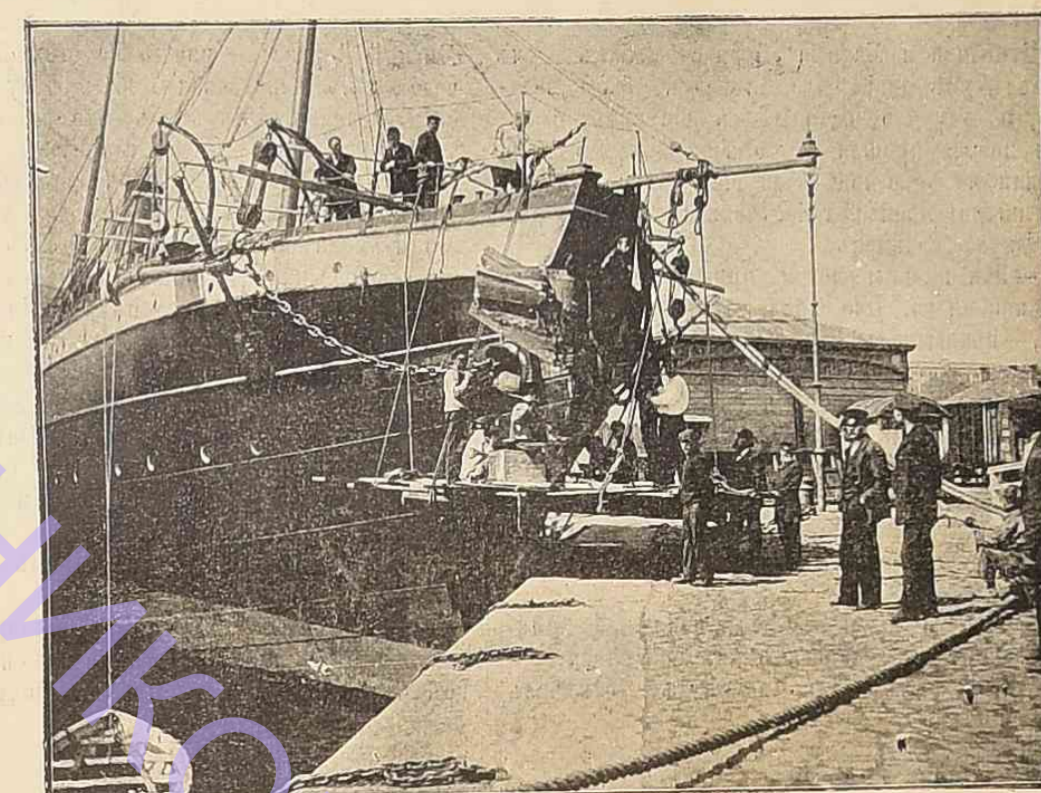
Домъ Бальзана въ Турѣ.

На торжествѣ открытія сада попечительствомъ о народной трезвости.
 Съ фотопр. I. M. Шнейдера.

Парижъ.—Въ „Салонѣ“ въ день „вернисажа“.

Поврежденная часть парохода «Императоръ Александръ II», столкнувшася въ Черномъ морѣ съ французскимъ пароходомъ «Ортегалъ».

Русскіе въ Манджуріи.—Хоръ пѣснениковъ.

мен Штиглицъ и Матвѣй Борнса! Самъ прачъ выразилъ убѣжденіе, что Альбертъ былъ задушенъ, потому что, если бы онъ повѣсилъ самъ, снѣлая позоса прошла бы по всей шеѣ; у него же были на передней части шеи только два темныхъ пятна, происшедшія, повидимому, отъ давленія двухъ пальцевъ.

— Эти пальцы могли принадлежать только женѣ покойнаго. Она жила въ пелату съ мужемъ, — показывалъ Варезомъ Штиглицъ, — и работникъ деревенскаго староста жилъ съ ней.

Женщина вздрогнула и взоръ ея прекрасныхъ глазъ глубоко проникъ въ лицо свидѣтеля, а черезъ нѣсколько секундъ боязливо устремилась на лицо судьи.

Судья неодобрительно взглянулъ на ея испуганное безобразное лицо и украдкой усмѣхнулся себѣ въ бороду.

— Что за человекъ былъ покойный Альбертъ Топорчикъ? — спросилъ онъ свидѣтеля.

— Не тѣмъ будь помянутъ, отвечалъ

Матвѣй Борнса, — ничего не стоящій онъ былъ человекъ. Пилисовалъ, билъ жену и на руку былъ неистовъ. Онъ кралъ, что только могъ: курлицу такъ курлицу, гуся такъ гуся, либо виланку дровъ, а разъ такъ уворовалъ даже лошадей. Не дай же какъ за два дня до его смерти его поймали въ Волькѣ, гдѣ онъ собирался стащить поросенка. Дѣло было ночью; мужики связали вора и бросили его въ коровій хлѣвъ. Рано утромъ онъ вов собрался, на славу выпоролъ его и отпустилъ. Со слѣдъ и бѣшенства Альбертъ пошелъ прямо въ корымъ и лишь къ вечеру, пьяный, вернулся домой. Онъ странно избилъ жену и потомъ легъ спать въ ригѣ. На слѣдующее утро мы нашли его мертвымъ на дворѣ.

— Не думаете ли вы, что онъ умеръ отъ порки?

— Ни въ какомъ случаѣ! — возразилъ Варезомъ Штиглицъ. — После порки онъ былъ совершенно здоровъ. Можетъ быть, и болѣли у него

кости, но въ корымъ онъ пилъ превесело.

— Выказывала обвиняемая ненависть къ мужу?

— Какъ же! Она постоянно жаловалась на него, ругала его немилосердно, да къ тому же, какъ я уже сказалъ, она жила съ работникомъ старости...

— На чемъ вы основываете это подозрѣніе?

— Работникъ часто приходилъ въ ихъ домъ, носилъ ей воду и рубилъ дрова.

— Зналъ ли по оиный объ этихъ отношеніяхъ?

— Какъ будто зналъ. Разъ, недѣли эдакъ за двѣ до своей смерти, онъ покосотилъ жену до спинокъ и выгналъ работника изъ деревни.

— Не имѣете ли вы подозрѣнія, что этотъ работникъ самъ совершилъ убійство?

— Это не можетъ быть. Онъ перемѣнилъ службу и ушелъ за двѣ мили отъ нашей Вольки къ управляющему одного помѣщика. Его больше и не видѣли въ деревнѣ.

Судья испытующе взглянулъ на обвиняемую. Она стояла все въ той же испуганной позѣ и нервно дергала за рваный платокъ сведенными судорой пальцами.

— Я еще разъ спрашиваю, — сказалъ судья голосомъ, которому старался придать мягкое выраженіе, но который былъ холоденъ и рѣзокъ, — признаетъ ли себя обвиняемая виновной въ убійствѣ мужа?

Женщина затрепетала, ея красныя вѣки начали мигать, она потерла голые пальцы ногъ одинъ о другіе и ярѣче потянула платокъ на грудь.

— Да... да! — лепетала она, — ужъ повѣрте мнѣ, ваша милость, господи судья!

— Я виновна, я виновна! — закричала она, колотя себя кулакомъ въ грудь. — Кому же быть виновнымъ, какъ не мнѣ?... И, я... и задушила его.

— Сознаетесь, что васъ побудило совершить убійство?

Женщина схватилась обѣими руками за свои рѣдкіе волосы и блуждающимъ взоромъ обвела залу.

— А нужно это? Развѣ нужно? — простонала она съ отчаяніемъ.

— Дурно обращался съ вами вашъ мужъ?

— Да, да, онъ былъ золь со мной! — кричала она жалобнымъ голосомъ почти безсознательно.

— Билъ онъ васъ?

— Какъ же, билъ... онъ меня билъ.

— А вы слышали, что говорили свидѣтели? Вы обманули своего мужа, вы были не вѣрны ему?

Она съ минуту подумала.

— И?... и? — заговорила она наконецъ. — Это гнусная ложь!

И со взрывомъ отчаянія она подняла правую руку.

— Работникъ старости не былъ вашимъ любовникомъ?

— Нѣтъ!.. говорю, какъ передъ смертью, нѣтъ!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Маленькіе влажные глаза горѣли гнѣвомъ, скорбью и отчаяніемъ.

— А зачѣмъ же онъ иногда приходилъ къ вамъ?

— Зачѣмъ?... Зачѣмъ?... Да вѣрно изъ жалости. Онъ иногда приносилъ мнѣ горшокъ картофеля, вотъ и все. Жаль ему было меня... Я еще хотѣла женить его на моей родной сестрѣ.

— Когда вамъ пришла на мысль убить вашего мужа?

— Когда?... Когда?... Почему я знаю? Вѣроятно, рано утромъ... да, да, утромъ. Какъ только стало свѣтать, я и пошла въ ригу!.. О, Боже мой!.. Боже!

Она схватилась обѣими руками за голову и начала рыдать.

— Спалъ вашъ мужъ, когда вы пришли туда?

— Она широко открыла глаза... — Спалъ ли онъ? — прачи переспросила она.

И вдругъ она простерла передъ собой обѣ руки, точно хотѣла отогнать страшное привидѣніе. Но тотчасъ же опять съежилась, вздрогнула и пробормотала:

— Да, онъ спалъ... конечно, спалъ. Онъ былъ такъ спокоенъ, совсемъ спокоенъ и не пошевелился. Было рано, совсѣмъ еще рано... И вотъ я сдѣлала крестное знаменіе; какъ его увидѣла, свѣтое крестное знаменіе... и, о Господи! — громко закричала... Онъ свалъ такъ сно койно, и я бросилась на него... да, и на него бросилась... о Боже, Боже!

Она прыкала кулаки къ глазамъ и съ глухимъ крикомъ упала на полъ у стѣны. Жалобный плачь и стоны вырывались изъ ея впадо груди и глухо разлились по залу. Зачѣмъ было прервано. Обвиняемую отвели обратно въ тюрьму и рѣшили вызвать работника старости.

— Дѣло неясно, шепталъ судья. — Женщина не въ полномъ умѣ.

Назначенный отъ суда защитникъ, блѣдный юноша съ меланхолическимъ выраженіемъ лица, невзначай пошелъ вслѣдъ за обвиняемой. Онъ поровнялся съ ней и внимательно наблюдалъ, какъ она шагала на ходу. Она, казалась, едва могла дышать.

— Она невменяема! — говорилъ ему внутренний голосъ. Онъ осматривалъ во все стороны и вошелъ за ней въ камеру.

Когда она увидѣла его, она испугалась. Прижавшись въ уголъ камеры, она глядѣла на него изъ-подъ своего платка алхорадоно горькими глазами.

— Не бойтесь! — сказалъ ей защитникъ мягкимъ голосомъ. — Я долженъ по закону защищать васъ и дѣлаю это очень охотно. Скажите мнѣ правду, я не обману вашего довѣрія.

— Правду? — закричала она. — Какую правду? Я ничего не могу другого сказать, я сказала правду! И задушила его, да, задушила!

— А если я вамъ скажу, — отвѣчалъ защитникъ серьезно и рѣшительно, — что это ложь!

Она задрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Это не ложь!.. Не ложь! — кричала она отчаянно. — Чего вы хотите отъ меня? Это правда!

Защитникъ испытующе посмотрѣлъ на женщину, выраженіе удивленія проблѣжало по его лицу. Онъ чувствовалъ, что настала минута, которая рѣшитъ вопросъ.

— Милая моя, — продолжалъ онъ тихимъ, сострадательнымъ голосомъ, — я твердо убѣжденъ, что вы не убили своего мужа. Зачѣмъ вы лжете? Скажите мнѣ правду, и никому не расскажу ея.

Она бросила на него подозрительный взглядъ. Потомъ опустила голову и нервно стала перебирать вострыми пальцами.

— Вы никому не скажете? — заговорила она наконецъ хриплымъ голосомъ и устремила на защитника умоляющій взоръ.

— Можете быть на снѣгъ этого совершенна спокойны!

Она снова задрожала, вслѣдъ створившись подошла къ защитнику и уцѣпилась за его руку.

— Не я убила его, сударь, не я! — прошептала она. — О Господи Исусе, о пресвятая Матерь Божія! Какъ могла бы я его убить? О

Спаситель мой, неужели же во мнѣ души нѣтъ? Господи Исусе, прости меня! Пречистая Матерь Младенца Исуса, взгляни на мои слезы!

Судорожные рыданія потирали все ея тѣло. Она прижала руки къ груди.

— Но кто же убила его? Кто?

— Вы не скажете? — бормотала она, — никому не скажете? Онъ самъ наложилъ на себя руки, самъ, бѣдный, несчастный, убилъ себя!

Когда мужики выпоролы его за кражу, стыдъ до того, должно быть, замучилъ его, что... Когда я рано утромъ пришла въ ригу онъ висѣлъ на сухихъ ивовыхъ прутьяхъ. Я сорвала его оттуда внизъ, но онъ ужъ былъ холодный... А вокругъ шеи его была такая короткая веревка, точно его кто удавилъ пальцами... О Матерь Божія, какой онъ былъ сивій!..

Защитникъ невольно отшатнулся отъ нея.

— Зачѣмъ же вы показали на судъ что задушили мужа?

— О, Спаситель мой, зачѣмъ? О, мой

Боже! Она опять приблизилась къ защитнику.

— Развѣ вы не знаете, — зашептала она тавиственно, — что Богъ наказываетъ тѣхъ, которые самовольно укорачиваютъ свою жизнь, и что черновъ также за это караетъ?

— Но что же съ этимъ подѣлать?

— Его не похоронили бы по-христіански!

— вскричала она, помолчая минуту, и глаза ея загорѣлись страннымъ огнемъ. — Его не похоронили бы съ честью на освятиченной землѣ, бѣднаго, несчастнаго! А теперь у него было христіанское погребеніе, и его опустили въ освещенную землю!

Она молитвенно сложила руки и въ конвульсіяхъ упала на полъ.

Русскіе въ Манджуріи.—На китайской границѣ.

Новые министры во франціи.

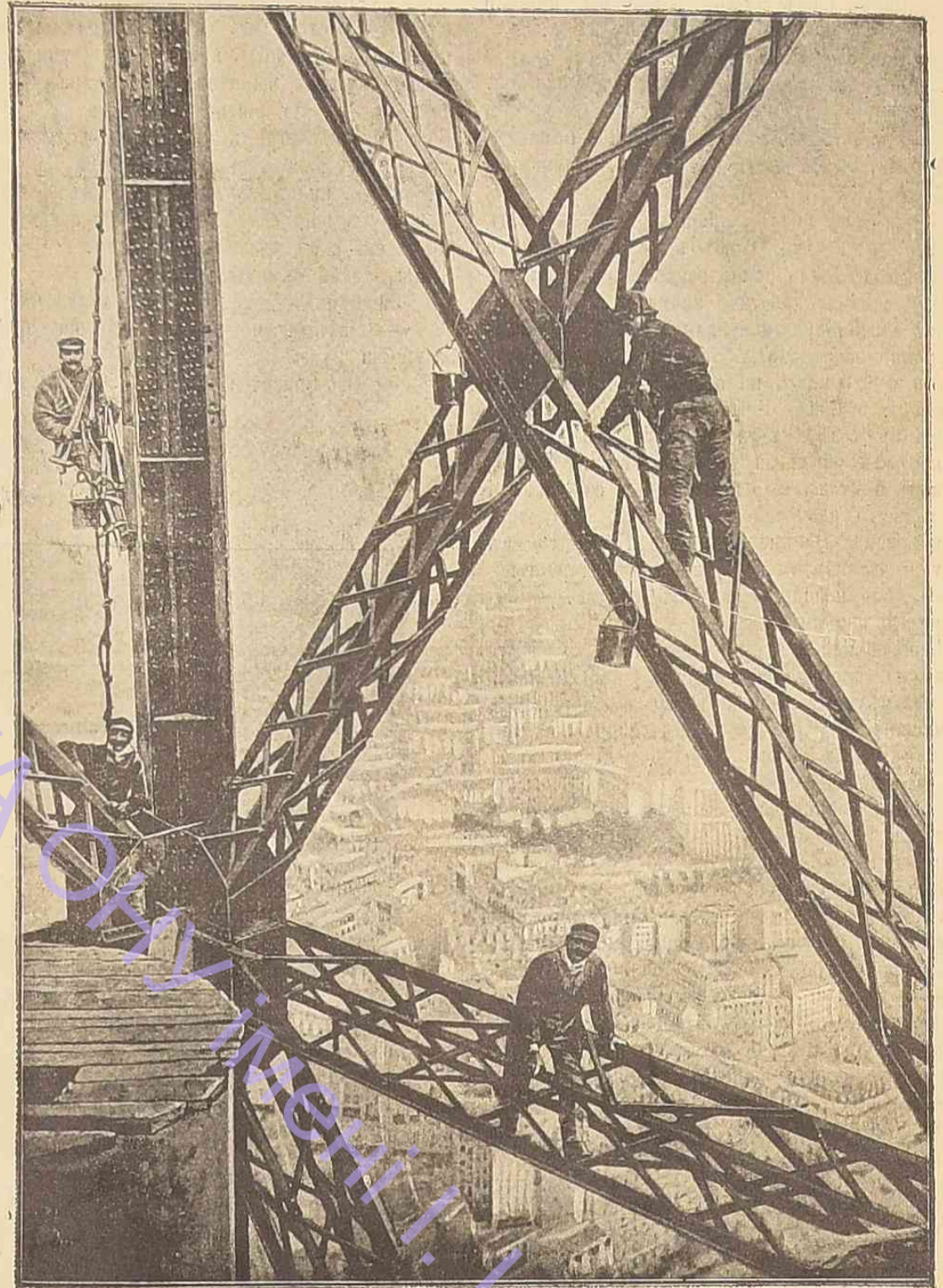
М. Кранцъ, военный министръ.

М. Монестье, министръ публичныхъ работъ.

Профессоръ Дюрюи, которому разрѣшено вновь открыть свой курсъ въ политехникумѣ. Дюрюи подвергся карѣ за принадлежность къ партіи дрейфузаровъ.

Парижъ. — Приготовленія къ будущей всемірной выставкѣ. — Окраска Эйфелевой башни.

Типо-литографія „Одесскихъ Новостей“

Екатерининская ул., д. Бубы. № 14.

ПРИЕМЪ ТИПО-ЛИТОГРАФСКИХЪ ЗАКАЗОВЪ.

(Печатаніе книгъ, брошюръ, афишъ, бланковъ, всевозможныхъ визитныхъ карточекъ и проч.)

По умѣреннымъ цѣнамъ.

Редакторъ издатель А.П. Старковъ.

Дозволено цензурою: Одесса, 7-го мая 1899 года.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул. д. Бубы.

Редакторъ В. В. Васьковскій.